

УДК 124.2

Вера Анатольевна Жилина, доктор философских наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова»

Татьяна Андреевна Баширова, аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова»

АПРИОРНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МИРА В МЕХАНИЗМАХ СОЗНАНИЯ

Нарастающие процессы глобализации существенно меняют не только поле социальных взаимодействий, но и социального субъекта. Интегративные тенденции в социуме актуализируют проблемы, касающиеся качества жизни, которые во многом спровоцированы технической составляющей в развитии общества. В частности, особую значимость обретают экологические последствия ускоренного технического производства, формирующаяся зависимость человечества от технических устройств в быту и в информационном обмене. При этом в закономерностях социума начинают доминировать особенности процессов коммуникаций. В результате социальный субъект сегодня может быть охарактеризован как коммуникационный. В свою очередь, эта характеристика с неизбежностью снимает в себе техническую составляющую экзистенции человека. Соответственно, в теории особую актуальность обретаем техникцизм как некий автономный опредмеченный феномен этой составляющей.

Традиционно техникцизм рассматривается как некий результат цивилизационного развития человечества, свидетельствующий о негативных последствиях научно-технического прогресса. Однако в таком случае следует признать определенную несостоятельность человеческого отношения к миру, в частности, неразумное преобразование среды. Но реальная история доказывает обратное: разрушительный момент снимается созданием техногенного мира, который становится местом развертывания культуры. Следовательно, необходимо определение действительных корней техникцизма. Логика исторического развития убедительно показывает объективное наличие у человека возможности технического освоения мира. В данной статье предпринята попытка доказательства априорности техникцизма сознанию человека. В сфере идеального любые закономерности проявляют себя в опредмеченных формах культуры. Любые интерпретации техникцизма предполагают его сущностную связь с рациональностью человека. В данном исследовании поиск доказательства априорности техникцизма сосредоточен в анализе концепций генезиса науки. В качестве примера выбраны две концепции происхождения науки. В каждом подходе обнаружены неопровержимые доказательства наличия технических потенций в сознании человека.

Ключевые слова: наука, техникцизм, сознание, социальный субъект, теория, познание, социум.

Грани изменений социального субъекта и актуальность проблемы

В разнообразии существенных характеристик социального развития в настоящее время все более актуализируется их общее основание: новое измерение социального субъекта. Еще в начале XX века качество субъекта определяется эффективностью его социализации, степенью вовлеченности в социальные отношения. Отчужденность, заброшенность, пустота существования и экзистенциальные тревоги – это далеко неполный перечень проблем, решением которых тогда занимается теоретическая мысль. Нарастание глобализации объективно включает вышеперечисленные характеристики субъекта в конфликтное противоречие интеграции – обособление. В результате, например, отчуждение постепенно автономизируется от собственного носителя, поворачивается к нему как некий самостоятельный феномен, пытается поглотить его, что, в конце концов, позволяет философии дать заключение о «смерти субъекта» [9]. Восстание постмодернизма против сведения субъекта к содержанию личностных качеств заканчивается его определен-

ным поражением: постмодернисты возвращают содержание субъекта через феномены языка. Такой определенный герменевтический и лингвистический поворот объективно детерминируется новыми гранями социального субъекта XXI века. Информационное общество в обратной связи формирует коммуникативного субъекта [1]. Об этом свидетельствует изменение структуры социума. В частности, производственные отношения в качестве базиса сохраняют свою объективность, но их сущность во многом сегодня зависит от наличного способа коммуникации, ее характера. В свою очередь, коммуникативность – это способ опредмечивания разумности человека. Следовательно, современное социальное развитие можно рассматривать в качестве определенного отрицания отрицания в аспекте возвращения к величию Разума человека [3]. Однако разумность современного субъекта по сравнению с Разумом эпохи Просвещения принципиально иная: она технизирована. Нарастание негативных тенденций в социуме в результате агрессивного внедрения техники в культуру требует серьезного теоретического анализа ее основ. В многообразии

подходов к технике наблюдается единообразие в признании того, что техника, по сути, есть определенный результат действия сознания человека.

Гипотеза исследования

Техницизм не является порождением цивилизационного движения человечества и не сводим к общепринятым негативным характеристикам социального развития. Предпосылки технического осмысления и преобразования мира априорны, степень их проявления напрямую определяется уровнем исторического развития субъекта. Доказательство неотъемлемости техницизма рациональности человека обнаруживает себя в устойчивых феноменах культуры, в частности, в генезисе науки [7]. В частности, априорность техницизма сознанию обнаруживает себя как при допущении присутствия науки на всех стадиях исторического развития общества, так и в концепциях ее появления только в определенные периоды истории.

Доказательство априорности техницизма в концепциях «вечности» науки

С точки зрения философии науки, концепции неотъемлемости науки истории человечества, принятые в рамках истории науки, могут вызывать много вопросов. Аргументом их жизнеспособности является фундамент, на котором они формируются: наука рассматривается как снятие синкретичности мифологического мышления и трансцендентности религии. Именно такой своеобразный синтез позволяет утверждать наличие науки при отсутствии строгой теоретичности, системы абстракций, предметности знания и т. д. В этом аспекте данные концепции обладают положительным моментом в исследовании сущности науки: она выглядит как синтез знания и умения, что более адекватно определяет ее место в структурах культуры. Конечно, корректней говорить о некоторой научной любознательности, чем о наличии науки. Но, с другой стороны, в таком понимании четко прослеживается снятие творческой способности человека. От мифа берется повествовательная форма освоения мира, которая впоследствии трансформируется в функции научной рациональности. В формах религиозного мышления для последующей автономности науки наиболее значим магический компонент, который в символической форме закрепляет процесс практического действия человека. Именно магия являет собой единство ментального и физического. Следовательно, в определенных допущениях возможно представить науку в качестве «вечного» спутника истории человека. Недаром А.Ф. Лосев утверждает диалектическое единство науки и мифа: наука не рождается из мифа, но всякая наука мифологична [5]. Однако, безусловно, наука принципиально отлична и от мифа, и от религии. Наука не совместима с абсолютизацией данности субъекта или с признанием необходимости завершенности истины, ее замкнутости на саму себя, которые яв-

ляются неизбежным требованием мифа [5]. Наука не может принять иллюзорности постижения мира, что отличает религиозное мировосприятие [8]. Помимо прямой корреляции своих выводов с действительностью наука всегда доказательна. Тем не менее, в рамках данной концепции логики становления науки в качестве постоянного феномена культуры доказательство неотъемлемости техницизма сознанию человека напрямую связано с признанием специфики архаичного освоения мира.

Традиционно техницизм в качестве некоторой характеристики приписывают особенностям практического освоения действительности. Другими словами, техническое у человека детерминировано потребностью восполнения недостающих элементов в мире или в связи с невозможностью использования чего-либо необходимого естественного происхождения. Однако такой стереотип ошибочен, так как в этом случае любое орудие, применяемое человеком, более значимо по сравнению с самим Я, так как автономно, необходимо, что позволяет ему детерминировать действие. Возможность технического взгляда на природу коренится в особенностях соединения человеком собственного Я с миром. Механика Ньютона не детерминирована потребностью человека, она выше потребностей, отвлечена от них. Но ее применение приводит к тому, что идея однородного пространства становится значимой [5] в культуре и, в конце концов, позволяет трансформировать культурное поле в техногенное. Следовательно, техническое освоение мира изначально выше практических нужд. Напротив, будучи определенным, начинает детерминировать эти самые практические нужды.

Безусловно, технические потенции сознания подвержены действию общих закономерностей его функционирования. Сознание, возникнув как модификация психического, получает автономность от мира, но по факту остается частью этого мира. Поэтому Я в символической форме включает в себя то, что не есть Я. Первоначально символизм ограничен: он сведен к переносу человеческих свойств вовне. В преднаучном и мифологическом знании неразделенность человека и мира уже обнаруживается априорность техницизма сознанию: например, кентавр – это первое техническое конструирование образа мира. Символическая игра в постижении действительности – соединение разного для получения свойства нового. Кентавр – это не просто соединение лошади и человека, это синтез буйности неразумного и умеренности разумного.

Априорность техницизма сознанию в рамках концепции неотъемлемости науки истории развития человека доказуема и от противного. Так, в исследовании уникальности мифа А.Ф. Лосев убедительно показывает абсурдность мифических обрядов с точки зрения рационального освоения мира [5]. При этом наука предстает как отрицание

отрицания мифа – она снимает в себе нерасчлененность человека и мира. Соответственно, техническая мысль, которая детерминируется развитием научного знания, также не означает появление чего-то абсолютно инновационного в культуре. Она есть отрицание отрицания первоначального мифологического осознания мира. Здесь и обнаруживаются предпосылки технэ как искусства.

Доказательство априорности техницизма в концепциях возникновения науки в определенные исторические эпохи (на примере концепции возникновения науки в Античности)

Концепций, утверждающих возникновение науки в определенные исторические моменты, существует множество, отличие между ними идет преимущественно по хронологическому принципу. Общим принципом их моделирования выступает отождествление попыток теоретического осмысления мира в статусе общепринятого знания с процедурой теоретического обоснования. Это общее основание позволяет принять в рамках философии науки, например, концепцию возникновения науки в эпоху Античности, анализ которой, действительно, выявляет некоторый культ абстрактного мышления системного характера.

Теория в античную эпоху носит натурфилософский характер, что проявляется в поиске первоначала через решение проблемы единого. Это детерминирует появление концепций о первоначале, чья главная функция объединение существования всех вещей независимо от их природы. Универсальным механизмом получения знания и одновременно критерием его истинности становится формальная логика [12]. Построение модели работы мышления на принципе запрета противоречий вытекает из теоретического разделения греками первоначала и природы (то есть того, из чего состоит единичное). Этот своеобразный разрыв можно рассматривать как стремление человека реализовать имеющиеся потенции технического преобразования мира. Творческий характер сознания действительно требует роли Демиурга для своего носителя, и возникшие в результате такого разрыва пустоты во взаимодействии человека и мира создают условия для превращения возможности в действительность. Доказательством того, что такие тенденции в развитии теоретической мысли косвенно удовлетворяют потребности сознания в реализации технического конструирования мира, служит характер греческой религии. Ее эстетический характер [2] отражает Красоту, Мудрость, Силу человека и в «техническом» исполнении (Деметра, Гефест) [4].

Еще наглядней проявляется априорный характер техницизма в анализе преднаучных естественнонаучных положений, среди которых доминирует рационализация пространства и временных характеристик. Теоретические модели этих атрибутов мира не просто оптимизируют процессы практической

ориентации человека. Они создают возможности вариативных операций с пространственными и временными параметрами в искусственно техногенном преобразовании действительности. Недаром Фалес характеризует пространство как максимум, включающий в себя все, и определяет время в качестве высшей мудрости, так как оно все открывает [10]. Прямым доказательством служит система геометрических и космологических построений Пифагора. Его построение пяти физических элементов из правильных многогранников выступает наглядным доказательством присутствия в механизмах сознания особого вида отношения к миру – технического. Согласно Пифагору земля состоит из частиц-кубов, огонь из тетраэдров, воздух из октаэдров, вода из икосаэдров, а эфир из додекаэдров. В своей сущности это оперирование с миром через опредмеченные количественные закономерности. Космос покорен человеком через упорядочивание его числом в целях создания собственной искусственной среды обитания через техногенное преобразование естественного.

Собственно философское доказательство априорности техницизма обнаруживается в решениях проблемы бытия в античной философии. Тезис Парменида о тождестве бытия и мышления разрушает стереотипное представление об отдаленности человека от мира. Сознание поднимает человека над миром, но именно оно и выступает связующим звеном человека с миром. Другими словами, предмет мира, попав в мысль, своеобразно утрачивает материальные закономерности, но попадает в сферу закономерностей идеального, создаваемого самим сознанием. В закономерностях идеального присутствует и техническое, закрепленное не только в творческих характеристиках, но в возможностях моделирования искусственного. Априорность технического можно доказать и от противного. В случае нарушения целостности технического познания мира теоретическая мысль попадает в затруднительное положение. Апории Зенона часто объясняют несовершенством метафизического подхода к проблемам движения. Но уже Аристотель указывает на главное упущение Зенона – отрыв пространственных характеристик от временных параметров [10]. В частности, при признании бесконечной делимости пространства необходимо допускать возможность такого же дискретного рассмотрения времени. Иначе происходит сбой в самом процессе познания. Механизмы сознания, способные реализовать возможности технического освоения мира, требуют целостности поля мысли, куда попадает предмет мира. В противном случае предмет мысли начинает разрушаться. В данном случае, движение, став предметом мысли, попадает в нарушенную целостность идеальной картины мира. В результате, с точки зрения получения эффективного знания, начинают формироваться посылы агностицизма.

В аспекте предметного наполнения доказательства Зенона ведут к абсурду: якобы Зенон отрицает наличие движения в мире.

Иная картина при анализе движения складывается в философской школе Эмпедокла. Сам принцип определения корней мира коррелируется с принципами создания технической системы, где части не только автономны, но и взаимозаменяемы. Мир предстает как комбинаторика некоторых элементов, соединение которых способно существенно менять сам мир. Но в таком случае возрастает риск потери целостности мира. В сознании целостность обеспечена целостностью идеальных возможностей в познании мира. В самом мире Эмпедокл вынужден ввести две организующие силы: Филия (Любовь) и Нейкос (Ненависть), которые являются не физическими, а психическими началами. Соответственно, Любовь отвечает за единство, она соединяет разнородное и разъединяет однородное. Ненависть, напротив, способна объединить однородное и разделить разнородное. Психическая природа этих двух начал свидетельствует о стремлении Эмпедокла показать неизбежное единство механизмов сознания и физического мира, к которому это сознание обращено. Такую интеграцию еще больше подчеркивает аксиологический аспект: Любовь отождествлена с Добром, а Ненависть – со Злом. Эмпедокл фактически формулирует доказательство априорности техницизма. Кровь человека состоит из всех четырех корней, и это дает возможность человеку познать подобное подобным при помощи соответствующей части крови: землю через землю, воду через корень воды и т.д. Результаты этого познания, в свою очередь, создают платформу для смешения и разделения самим человеком элементов мира. Антропоморфизм доказательства объясним недостаточностью теоретического знания. Но в данном случае антропоморфизм свидетельствует и о наличии потенциальной склонности мышления к техническому структурированию действительности.

Общее основание доказательства априорности техницизма

В современных условиях наука представляет собой «живое» поле практики социальной жизни, в котором постоянно расширяет свои функции

и возможности. Этот факт сегодня позволяет констатировать, что наука становится одной из детерминационных форм социального развития. Более того, именно сфера науки выступает основой соединения «практического» и «теоретического». Вследствие этого наука существенно трансформируется внутри. Сегодня, например, фактически снимается запрет о переносе специфики развития знания в естественных науках на гуманитарную сферу, введенный в XIX веке [6] и подтвержденный неудачами позитивизма в философии [6]. Практика исторического изменения культуры убедительно доказывает, что доминантой в развитии научного знания является именно целостность (принадлежность к сфере научного познания) даже при нарастании специфики отдельных сфер [11]. Так, глобализированный социальный субъект настоятельно требует внедрения измерительных процедур в области духовных явлений и, тем самым, детерминирует появление гуманитарной метрологии, которая интенсивно обсуждается на технических научных конгрессах [11]. Это служит наглядным примером того, что в области сознания целостность детерминирует его отдельные механизмы и наоборот: техницизм как предпосылка присущ рациональности, а его развитие детерминирует изменение самой рациональности. Реальное доказательство этого тезиса прослеживается в исторической реконструкции последовательности проявления свойств научного знания. Исследование этой исторической логики способно показать специфику закрепления свойства технической рациональности сознания в опредмеченной форме. Несмотря на разницу в хронологических параметрах, концепции возникновения науки объединены принципом исторического и логического, так как их основанием выступает качественная уникальность науки как знания и как социального института. Именно в логике становления науки, рефлексивно представленной в историческом анализе, и обнаруживают себя доказательства наличия предпосылок технической рациональности в сознании. В частности, такое доказательство прослеживается в концепциях, считающих науку неотъемлемым свойством человеческой культуры, и в концепциях, определяющих ее возникновение в период становления античной цивилизации.

Литература

1. Ахметзянова, М.П. К вопросу о культурной коммуникации: философский аспект / М.П. Ахметзянова // Экономика и политика. – 2014. – № 1 (2). – С. 12-13.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель., Т. 2. – Москва: Мысль, 1976. – 547 с.
3. Жилина, В.А. Культура как развертывание разумности человека / В.А. Жилина // Вопросы культурологии. – 2009. – № 7. – С. 12-16.
4. Кун, Н. Легенды и мифы Древней Греции / Н. Кун. – Москва: Мартин, 2017. – 384 с.
5. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – Москва: Азбука, 2014. – 320 с.
6. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы / В.С. Степин. – Москва: Гардарика, 2006. – 384 с.
7. Теплых, М.С. Диалектика когнитивно-онтологической и когнитивно-гносеологической веры / М.С. Теплых // Вестник оренбургского государственного университета. – 2009. – № 9. – С. 124.

8. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд. – Москва: АСТ, Астрель, 2011. – 256 с.
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания / М. Фуко. – Москва: А-сэд, 1994. – 304 с.
10. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней философии / А.Н. Чанышев. – Москва: Высшая школа, 1981. – 376 с.
11. Щедровицкий, Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы / Г.П. Щедровицкий // На пути к теории научного знания. – Москва: Наука, 1984. – С. 68-107.
12. Щедровицкий, Г.П. О методе исследования мышления / Г.П. Щедровицкий. – Москва: Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2006. – 600 с.